

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ***Миф Коммуны и становление
Советского государства****(К переосмыслению Конституции РСФСР 1918 года)***

На основе архивных документов Конституционной комиссии статья раскрывает принципиальную роль мифа Парижской Коммуны в процессе разработки первой Советской Конституции 1918 г. Показан гибридный характер Конституции как синтеза трех идеологий – анархического коммунизма, корпоративизма и централизма, который определил оригинальную окончательную интерпретацию доктринальных основ, институциональной структуры и применения конституционных норм. Представленный анализ информативен для реконструкции происхождения и места советского номинального конституционализма как исторической предпосылки современного российского правового порядка.

Ключевые слова: когнитивная юриспруденция, Парижская Коммуна 1871 г., Конституция РСФСР 1918 г., коммунизм, корпоративизм, централизм, федерализм, политические партии, номинальный конституционализм, советский политический режим.

Одной из трудных проблем обществоведения остается вопрос о генезисе и особенностях так называемой “социалистической (советской) правовой системы”. Данная система, охватывавшая в XX в. своим влиянием едва ли не половину населения Земного шара, конвульсивно окончила свое существование с крушением коммунистического мифа и основанного на нем государства СССР в 1991 г., уступив место традиционным представлениям о демократии, гражданском обществе и правовом государстве с принятием Конституции РФ 1993 г. В то же время влияние советской правовой традиции сказывается по сей день. С ним связаны и трудности становления демократии, и непоследовательность реализации основных конституционных принципов, и растущая угроза реставрационных тенденций в современном российском обществе. Это делает актуальным новое переосмысление советской правовой системы от истоков ее возникновения до конца существования.

Важно найти ответы на следующие вопросы: откуда взялась сама идея этой системы; как соотносились в ней первоначальные идеологические установки и их юридическое оформление; первая Советская Конституция лишь фиксировала спонтанно

* Работа выполнена в рамках научного проекта при поддержке Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2015–2016 гг. (№ 15–01–0014).

Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (факультет социальных наук). Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: amedushevsky@mail.ru.

возникшие отношения или формировала их; отражала ли она в какой-то мере реальность или изначально была номинальной; в чем уникальность этой системы в мировой истории и почему она существовала столь продолжительное время; наконец, каковы были альтернативные стратегии интерпретации провозглашенных принципов и норм и с чем связано направление последующей эволюции их смысла?

В данной статье на основе материалов архива Конституционной комиссии 1918 г. представлен ответ на эти вопросы с позиций когнитивно-информационной теории, неонституционализма, а также вытекающей из них методологии юридического конструирования реальности. Этот подход позволяет, на мой взгляд, во-первых, реконструировать понимание разработчиками смысла ключевых правовых понятий; во-вторых, выявить альтернативные позиции, представленные в конституционных дебатах 1918 г.; в-третьих, определить вектор развития системы – перейти от статики к динамике институциональных изменений (селекция ценностей, норм и институтов в процессе разработки Конституции). Изучение соотношения конституционных принципов, норм и институтов в процессе консолидации большевистской диктатуры позволяет вскрыть изначально заложенные конструктивные дефекты системы, предопределившие ее эрозию и последующее крушение.

Миф о Государстве-Коммуне как когнитивная основа построения нового общества

Осуществив Октябрьский государственный переворот и распустив Учредительное собрание во имя коммунизма и особой “пролетарской” демократии, большевики столкнулись с отсутствием сколько-нибудь разработанной программы построения нового общества и государства, правовой легитимации собственных претензий на власть. Общими принципами, которые могли быть положены в основу конструирования нового общества, стали чрезвычайно неопределенные положения К. Маркса о Коммуне как “предвестнике нового общества” и “новой политической форме”, политико-правовым выражением которых признавались Манифест Коммунистической партии 1848 г., программа Первого Интернационала, не вступившая в действие якобинская Конституция 1793 г. и, особенно, потерпевшая крушение модель Парижской коммуны 1871 г.

Коммуна рассматривалась в либеральной историографии как анархический срыв общества в экстремальных условиях войны, не имеющий никакого отношения к Интернационалу или “диктатуре пролетариата”, ее опыт в этом контексте – явная неудача, а действия ее вождей – хаотические, противоречивые и просто нелепые [Кареев 1917, с. 16]. Однако рассеять марксистские легенды в отношении Коммуны оказалось очень трудно. Идея Государства-Коммуны как особой формы общественно-политического строя переходного периода получила распространение в европейской левой социал-демократии накануне Первой мировой войны. Например, один из столпов германской социал-демократии А. Бебель был “глубоко убежден, что не пройдет и нескольких десятилетий, и все то, что случилось в Париже, повторится во всей Европе”, хотя и предлагал обществу “проявить рассудительность и постараться сгладить существующие классовые противоречия законодательным путем” [Бебель 1963, с. 531]. Миф Коммуны в его интерпретации Марксом и П.-Х. Прудоном оказался наиболее популярен в различных течениях европейского [Netlau 1971] и русского анархизма [Анархизм... 2007], а также в сочинениях его российских теоретиков – М. Бакунина, А. Герцена, П. Кропоткина [Бакунин 1892; Лавров 1919; Карелин 1919], оказав существенное влияние прежде всего на традицию русского радикального народничества (см. [Итенберг 1971]).

В советской литературе интерес к проблеме был связан с установлением большевистской диктатуры, которая изначально опиралась на программные документы Коммуны, объявила себя последователем французских коммунаров (см. [Молок 1925; Лукин 1924]). В контексте тотального разрушения правовой традиции в XX в. некоторые авторы даже усматривали в этом эксперименте поиск новых форм правового государства [Леон 1922].

Чрезвычайно характерно, что в программных документах политических партий России 1917–1918 гг. существует единство оценки революционного радикализма и большевистского режима как анархического. Правые партии, традиционно стоявшие на позициях монархизма, видели в нем следствие революционного крушения общества и фанатичное стремление разрушить “решительно все, сущее в Российском государстве, начиная с государственной власти и кончая семьей, кончая личной собственностью, – одним словом, всем тем, что дорого каждому порядочному человеку” [Правые партии... 1998, с. 347]. Кадеты, стоявшие на позициях классического парламентаризма, определяли большевистский (и советский) проект как выражение русского традиционализма – крестьянско-солдатского бунта в стиле пугачевщины, а сам большевизм считали “преемником марксизма и бакунизма” [Съезды и конференции... 1997–2000; Протоколы... 1999, с. 159]. Из этого вытекала программа свержения большевизма и установления бонапартистского режима в период гражданской войны [Всероссийский... 2001].

Меньшевики, напротив, противопоставляли большевизм “подлинному” марксизму и определяли их режим как “катастрофический реванш бакунизма над марксизмом”, бланкистский переворот, реализацию нечаевской программы революции в форме заговора [Меньшевики... 1999, с. 301, 303, 304]. Данная трактовка была воспринята западной социал-демократией, причем не только ее традиционными лидерами (К. Каутский), но и радикальной частью (Р. Люксембург). Она представлена в документах еврейской социал-демократической партии Бунд [Бунд... 2010]. Эсеры в принципе приняли ту же интерпретацию, указывая на сходство нового режима с якобинской диктатурой: “...большевизм, – считали они, – есть русская разновидность бланкизма с резко выраженным стремлением к явочно-захватным, но преимущественно политическим методам действий: к захвату власти, к установлению диктатуры” [Партия социалистов-революционеров... 2000, с. 655, 657–658].

Партии крайне левой части политического спектра увидели в революции попытку осуществления коммунистической программы. Эсеры-максималисты выступали за “революцию коммуналистическую, децентрализованную”, противопоставляя ее политической революции, которая неизбежно носит “централистический характер”. Разделяя представления о Государстве-Коммуне, они выдвинули свой “Проект основ Конституции Трудовой Республики”, принятый на конференции (1918). “Трудовая Республика, – в их интерпретации, – есть децентрализованное общежитие с широкой автономией отдельных областей и национальностей, ее составляющих” [Союз... 2002, с. 53, 127–131].

Анархисты-коммунисты видели задачу социальной революции в непосредственном осуществлении коммунизма, а способом достижения цели считали “немедленное освобождение от власти какого бы то ни было центра – ее полная децентрализация”. Они призывали к “разрушению государства” – “уничтожению всякой власти”, “всяких законов и судов”, тюрем, “так как тюрьмы еще не исправили ни одного преступника”, “собственности в широком смысле этого слова”, семьи и “поповского брака” как препятствия к “свободному союзу между мужчиной и женщиной”. “При анархическом Коммунизме, – считали они, – исчезнет всякая эксплуатация человека над человеком – исчезнет зло, насилие и грабежи”, “зло само по себе должно исчезнуть на земле” [Анархисты... 1999, с. 21–25].

Партия немедленных социалистов (левой большевиков, правой анархистов) выдвигала (в 1918 г.) идеал Коммуно-государства, которое, в отличие от традиционных его форм, не предполагает правового регулирования, насилия и эксплуатации, но представляет собой Производственную Коммуну – кладет в основу общества солидарность, конструируя обществожитие на основании свободного договора с помощью совещательных политических институтов. Программа анархо-коммунистов проектировала на этой основе уничтожение классов, собственности, семьи, религии и “разрушение государственной власти, служащей орудием угнетения рабочего класса” [Анархисты... 1999, с. 151–159]. Интересно, что анархисты первоначально усмотрели в большевизме

непоследовательное проведение своей программы общественного устройства и лишь позднее с удивлением обнаружили, что это не так.

Какое место занимал большевизм в этой системе взглядов с точки зрения концепции политико-правового устройства? Об этом можно судить по эволюции взглядов В. Ленина на конституционно-политическое устройство в 1917–1920 гг. До захвата власти он считал прообразом переходного типа государственности Парижскую коммуны. В книге “Государство и революция” (написанной в августе–сентябре 1917 г.) содержание переходного процесса определяется как разрушение парламентаризма и установление “демократической Республики типа Коммуны”, сопровождающееся призывом учиться у коммунаров революционной смелости и практике разрушения государственности. В проектируемом государстве нового типа (для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества) все граждане превращаются “в служащих по найму у государства” – “становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного синдиката”. По мере того, как “необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития станет привычкой”, “будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства”. Эта интерпретация Государства-Коммуны, чрезвычайно близкая анархизму, уравнивается, однако, формулой о необходимости сохранения на переходный период государственной власти, которая определяется как “централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения” [Ленин, т. 33, с. 101–102, 26].

Перелом во взглядах Ленина отразился в работе “Очередные задачи Советской власти”, написанной в апреле 1918 г. Идеи анархо-синдикализма по-прежнему владеют его умом. Он определяет достижения большевистского режима в масштабе европейских революций 1793 г. и 1871 г. и продолжает утверждать, что “социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун”, в которой “каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения, по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов”. Вместе с тем он констатирует необходимость временного “отступления от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти” в условиях переходного периода, когда необходима диктатура – “железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов” [Ленин, т. 36, с. 165–208]. На завершающей стадии эволюции его взглядов (в «Детской болезни “левизны” в коммунизме», 1920 г.) анархический компонент совершенно исчезает: идея противопоставления масс и вождей предстает как “смехотворная нелепость и глупость”, а успех диктатуры определяется “безусловной централизацией и строжайшей дисциплиной” [Ленин, т. 41, с. 6, 24–26].

Миф Государства-Коммуны был положен в основу разработки первой советской Конституции РСФСР 1918 г., принятой в качестве альтернативы распущенному Учредительному собранию. Все проекты Конституции отталкивались от этого мифа или, во всяком случае, подразумевали его¹. Предстояло выяснить, как утопическая идея коммунизма и всеобщего равенства может быть переведена на язык позитивного права; каков должен быть переходный тип институтов – могут ли Советы (как специфические спонтанно возникшие органы народовластия) стать органами государственной власти; как должны с этих позиций решаться вопросы государственного устройства и управления и каковы вообще должны быть правовые основы нового политического образования. Выяснить связь мифа и конституционного конструирования – значит понять логику формирования, основы легитимности и структурные параметры советского режима, определявшие его развитие вплоть до крушения в 1991 г.

¹ Основные проекты опубликованы в [Гурвич 1923].

Коммунистическое общество: государство и личность в переходный период

Доминирующими настроениями в массовом сознании большевистского периода русской революции стали коммунистические идеи упразднения государства, обобществления собственности, уравнительного распределения имущества и введения непосредственной рабочей (профсоюзной) демократии. Именно таково было содержание ряда наивных коммунистически-утопических проектов, представленных в материалах Конституционной комиссии. В них вполне в духе Коммуны провозглашались идеи всеобщего равенства, трудовой республики в форме Советов, отмены тюрем и смертной казни, реализации земельного передела, отмены банков, денег и торговли. В перспективе мировой революции проектировалось создание “Мировой Федеративно-демократической республики”, “Международного Интернационального Храма Всечеловечества” и “Советов представителей Мировой демократии”, принципы деятельности которых должны быть представлены в особом кодексе – “Библии народного социалистического Права” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 16. Лл. 1–33об)². Эти коллективистско-уравнивательные идеи вполне отвечали настроениям маргинализированных слоев города и деревни, а также “красы и гордости революции” – солдат и матросов, выдвигавших к власти “конституционные” запросы о разделе земель, должностей и зарплат прежних чиновников (Ф. 1235. Оп. 94. Д. 16. Л. 486). Разгоняя Учредительное собрание – “долгожданный всероссийский парламент”, они убеждали себя, что открывают путь “Советской власти” как преддверию коммунизма [Дыбенко 1958, с. 172–175]. Предстояло определить, насколько миф Коммуны о фактическом равенстве и непосредственной демократии мог получить конституционное воплощение.

В концентрированном виде различие подходов в комиссии отражают дебаты о Декларации, которая должна предшествовать Конституции. Анархо-коммунистическая позиция, представленная в проекте эсеров-максималистов, отрицала по существу необходимость единой конституции, а в основу декларации предполагала положить принцип прав личности. Трактовка “Трудовой республики” эсерами-максималистами предполагала “организацию общежития на основе равного для всех права на жизнь и обязанности труда для всех трудоспособных членов согласно норм, установленных органами общественной власти и в целях: а) полного уничтожения эксплуатации человека и классового строения общества; б) построение общества на началах коммунизма”. Исходя из этого, в декларации должен был получить выражение прежде всего принцип равенства, отступление от которого допускалось только для “лиц, не несущих трудовые повинности”, “врагов трудового народа” или лиц, выполняющих сверхобязательную работу. Осуществление данного принципа включало “немедленное и безвозмездное обобществление всего достояния эксплуататоров и паразитов трудового народа” – отмену частной собственности и денег, введение уравнительно-распределительных методов регулирования экономики, принудительного труда и профессиональное самоопределение трудящихся. Для защиты этих принципов предполагалась норма о противостоянии тирании – “право вооруженного сопротивления и восстания в тех случаях, когда закрыты или бездействуют законные пути или средства для защиты конституции трудовой республики и установленных ею прав”. На этих началах предполагалось осуществление коммунизма во всемирном масштабе: “в отношении других государств трудовая Российская республика рассматривает себя как член братской семьи трудовых республик других стран, с которыми она вступает в общение на почве обмена ценностями и в целях трудовой организации свободного человечества” (Ф. 130 (СНК). Оп. 2. Д. 85. Лл. 2–9).

В противовес этим идеям в Комиссии был выдвинут “Проект декларации прав и обязанностей трудящихся”, разработанный редактором “Известий” Ю. Стекловым,

² Здесь и далее приводятся материалы Государственного архива Российской Федерации. В скобках к цитатам даны номера фондов, описей, дел и листов.

принятый Конституционной комиссией (Ф. 130. Оп. 8. Д. 159, Лл. 4–5) и официально опубликованный в “Известиях” 19 июня 1918 г. Его принципиальная особенность заключалась, во-первых, в ограничении абстрактных прав личности сведением их к правам трудящихся; во-вторых, жесткой увязке этих прав с обязанностями; в-третьих, возможностью реализации этих прав исключительно в рамках советских институтов. Идея коммунистического переустройства уступает место идее “всемирной социалистической революции”, а освобождение трудящихся, которое “может быть делом только самих трудящихся”, оказывается возможным лишь в рамках диктатуры и их принудительного объединения в Советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. В основу данного документа, как показывают материалы его обсуждения, Стекловым были положены три источника – декларация прав и обязанностей, принятая на III Съезде советов (а ранее в ЦИК); мотивировочная часть Устава II Интернационала; основные положения “Коммунистического манифеста” К. Маркса и Ф. Энгельса, “обобщенные воедино с точки зрения логической последовательности”.

Признавая, что пункт о предполагаемом введении всеобщей трудовой повинности “исключительно режет слух и портит все построение”, Стеклов заявил, что умолчать о ней “я считал невозможным” (Ф. 6980 (Конституционная комиссия). Оп. 1. Д. 7. Лл. 1–18). Критики указали, что проект декларации “длинноват”, историческая часть “устарела”, “язык тяжел и недостаточно лапидарен”, а некоторые понятия, например “трудящиеся”, юридически неопределенны (входят ли в него, скажем, казаки?). Предложение об использовании в качестве образца Декларации США не получило развития. Основным предметом споров стал вопрос о юридическом определении отношений собственности, поскольку, как отметил А. Шрейдер, “для нас национализированная собственность и общенародное достояние – разные вещи”. В результате по предложению Я. Свердлова было принято понятие “социализация земли” как реализованный компромисс большевиков с левыми эсерами, отраженный в принятом законе о социализации земли (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 8. Лл. 6, 27). В завершающей редакции данного документа упор делается на программные установки большевиков о классовых приоритетах “трудящегося и эксплуатируемого народа”, власти Советов, национальных принципах федеративного устройства, социализации земли и экспроприации собственности и установлении рабочего контроля, введении всеобщей трудовой повинности и вооружении трудящихся, организации братания с рабочими и крестьянами воюющих стран, достижении мира без аннексий и контрибуций, призывах к созданию на этих началах всемирной федерации (Ф. 130, Оп. 2. Д. 85. Лл. 64–66).

Специально обсуждался вопрос об адресате декларации, в результате чего приняли формулу “мы, трудящиеся” (Ф. 6980, Оп. 1. Д. 12. Л. 6). Под “трудящимися” подразумевался рабочий класс России, который, следуя примеру Коммуны и “заветам Интернационала”, “в Октябре 1917 г. низверг свою буржуазию и вместе с беднейшим крестьянством взял в свои руки власть” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 9. Л. 5). “Проект Декларации прав и обязанностей трудящихся”, принятый Комиссией и опубликованный для обсуждения в “Известиях” (1918 г. № 87), содержал, однако, определенные уступки эсеровской программе и в конечном счете был отвергнут (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 2). В окончательный текст Конституции вместо него был включен, как известно, более жесткий текст Декларации, написанный Лениным.

Реакция последовала незамедлительно: «Стоящая на уровне бабефовских манифестов “Декларация прав”, предложенная Лениным и Троцким, как новое слово, имеющее затмить декларацию прав человека и гражданина 1789 года, – считали меньшевики, – пропитана от первого слова до последнего тем упрощенным “уравнительным” социализмом мелких собственников и люмпенов (босяков), в котором предусмотрено все... кроме социалистической организации производства» [Меньшевики... 1999, с. 135]. Сами разработчики Конституции (М. Рейснер) признавали, что “власть, которая имеется сейчас, страшная власть, деспотическая” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 12). Другие аналитики определяли новую систему как “красную деспотию” [Тимашев 1931, с. 18–31] или “необыкновенно увеличенный иезуитский колледж” [Рассел 1991].

Коммунистическое государство: федерация, суверенитет, структура и функции институтов власти

Распад унитарной Российской империи ставил проблему государственного устройства на принципах децентрализации. Общая формула такого процесса – федерализм. В тот период он обосновался тремя принципиально различными концепциями – территориально-производственной, корпоративистской и национально-территориальной.

Первая (территориально-производственная) концепция федерализма была представлена идеей Государства-Коммуны как выражения воли профсоюзных объединений. “Трудовая республика, – в понимании эсеров-максималистов, – есть политически федеративное государство с широкой автономией отдельных областей и народов, ее составляющих” (Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 2). Согласно проекту приват-доцента Н. Ренгартена, федеративное государство – союз пяти профессиональных федераций – земледельцев, промышленных рабочих, служащих торговых предприятий; служащих у государства (чиновники); служащих у частных лиц (прислуга) (Ф. 1235. Оп. 94. Д. 19. Лл. 241–247). “Во внутреннем своем устройстве федерации вполне самостоятельны и наделены возможно широкими полномочиями”, вырабатывают свои собственные конституции “в пределах, установленных общей союзной властью”. Вместо традиционного типа государства, построенного на принципе народного суверенитета, конструируется “сложное государство” – союз профессиональных организаций. Общая союзная власть, носящая надпрофессиональный характер, состоит из центральных и местных органов. Центральными организациями являются Верховный союзный конгресс, Союзный Совет, Союзный Трибунал и Союзный Суд, причем последние два органа, в зависимости от организаций суда, могут быть объединены (Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Лл. 13–15). Данный подход не исключал использования опыта других государств (США, Австралийского союза, Австрии и Венгрии) при конструировании органов центральной власти (Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 68–74об), но предполагал синдикалистский порядок их формирования. Территориально-производственный принцип, однако, был отвергнут разработчиками на том основании, что в стране “еще не закрепилось твердое преобладание крупных областных центров”, нет четких критериев их выделения, а каждый из них может сам рассматриваться как своеобразная федерация меньших коммунальных образований (Ф. 130. Оп. 2. Д. 66. Л. 25).

Корпоративистская (или “коммунальная”) трактовка государства, представленная Рейснером, предполагала основу суверенитета в объединении союзов различного типа – коммун (Ф. 6980, оп. 1. Д. 12. Л. 97а–113). Он выдвинул собственную концепцию федерализма, которая определялась как коммунитарная. Отвергнув традиционные формы федерализма, по национальному и территориальному принципам, он предложил идею организации Республики на основании союзов “составленных на местах федеративных общин” с региональными и центральными съездами советов – от съезда коммунальных Советов в провинции к областям и Съезду советов РСФСР. Завершением становилось создание “великой федерации будущего: от федерации коммун к федерации вселенной”. Опираясь на теоретиков корпоративизма Л. Дюги и Г. Еллинека, Рейснер считал, что основным принципом конструирования институтов должно быть “не представительство лиц, а представительство интересов” – социально-классовых (рабочие, крестьяне, батраки), профессиональных (фабзавкомы, профсоюзы, союзы служащих), экономических (кооперативы, земельные комитеты) и политических (партии коммунистической и левозсеровской направленности). В рамках данной конструкции институтов власти, считал он, возможны нейтрализация и примирение отдельных эгоистических интересов, открывающие “путь к необходимой гармонии, на почве подчинения интересам целого, воплощенном в Совете” (Ф. 130. Оп. 2 Д. 86. Л. 20–35; Д. 66).

В тезисах Рейснера о сущности власти эта конструкция выглядит следующим образом: РСФСР есть “свободное, социалистическое сообщество всех трудящихся”, объединенных “в классовые, трудовые, профессиональные, хозяйственные и полити-

ческие союзы”, которые “составляют на местах федеративные общины для ведения социалистического хозяйства, для организации государственной жизни и культурной деятельности” и “именуются коммунами”. Во главе каждой из них стоит Совет рабочих, крестьянских, казачьих, батрацких и вообще трудовых депутатов, формируемый из выборных представителей соответствующих “хозяйственно-общинных союзов и соединений”. В случае победы мировой революции и образования Федеративного Союза соединенных социалистических федеративных республик Российская республика входит в него на тех же основаниях “в целях всеобщего торжества социализма, преуспения, мира и братства народов”. В целом построение политической системы должно вестись не сверху, а снизу – путем концентрации полномочий в региональных структурах власти и институтах с последующим их делегированием в центр (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 12).

Основанием для таких построений приводилось устройство наиболее развитой Кронштадтской коммуны (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 12), Советов Западной области (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 37), Тверского совета, Можайского, Гжатского и Курского советов, уставы уездных Советов (например, Касимовского) (Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Лл. 54–58). Но ими вполне могли стать и более крупные политические образования, возникшие в процессе децентрализации власти, о чем свидетельствует, например, “Проект организации федеративной советской власти в Сибири” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Лл. 20–21). Данные проекты, пытающиеся перевести на правовой язык идею Государства-Коммуны, страдали идеализмом, тенденцией к децентрализации и плохо соотносились со стремлением большевиков легитимировать собственную власть.

Национально-территориальный принцип построения федерации формально был выдвинут И. Сталиным в противоположность коммунитарной концепции Рейснера, которую он определял как анархо-синдикалистскую. Сталин, по его признанию, вовсе «не принадлежал к тем людям, которые при упоминании слова “анархизм” презрительно отворачиваются», но видел его коренной недостаток в противопоставлении личности – массе и отрицании классовой диктатуры [*Сталин* 1949, с. 4]. В представленных Сталиным тезисах “О типе Федерации Российской советской республики” она определялась как переходный политический режим в форме “диктатуры пролетариата и деревенской бедноты”, а государственное устройство – как федерация автономий. «Исходными пунктами Конституции, – считал Сталин, – должны быть: с одной стороны, решение III съезда Советов о Российской Советской Республике, “как федерации Советских республик”, “народов России”, и с другой стороны – наличие “областей, отличающихся особым бытом и национальным составом”, т.е. областей населенных отдельными народами, требующими широкой автономии на основе федерации». Интересы этих национальных субъектов федерации должны быть представлены автономными органами ВСНХ или “соответствующими органами СНК” (Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 79; Ф. 6980. Оп. 1. Д. 2. Л. 180). В рамках этой концепции Федеративная Социалистическая республика есть “свободный союз”, вся власть в котором осуществляется “трудовым населением через Центральные и Местные Советы и Съезды Советов рабочих, солдатских, крестьянских, батрацких и иных трудовых депутатов”. Включение конфедеративного принципа (права на выход из союза) было связано с мессианскими тенденциями большевизма, декларировавшего всем народам право вступления в федерацию “на началах полного равенства и свободы по решению соответственных Рабочих и Крестьянских Советов или им подобных классовых установлений трудящегося населения”, а “при образовании Федеративной Социалистической Республики народов Европы или всего мира Российская Республика входит в состав мирового или европейского союза” на тех же классовых основаниях (Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 77).

Концепция децентрализованной профсоюзной или коммунальной демократии большевиками была противопоставлена централистская модель власти. Она получила четкое выражение в проекте Сталина – “Общие положения Конституции Рос. Соц. Сов. Федерат. Республики”, сохранившегося в разных редакциях (Ф. 6980. Оп. 1.

Д. 12. Лл. 80–82). В основу трактовки суверенитета положен уже не национальный, а классовый принцип: формирование институтов советской власти подчинено задачам переходного периода диктатуры (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). В расширенном виде эта концепция представлена в другой редакции документа – “Общие положения Конституции Российской Советской Федеративной Республики (Проект Сталина)”. Российская Республика определяется как “свободное социалистическое общество всех трудящихся России, объединенных в городские и сельские совдепы рабочих и крестьян”. Для управления национальными областями они объединяются в автономные областные республики, во главе которых стоят областные съезды совдепов и их исполнительные органы. Все областные советские республики объединяются на началах федерации в Российскую Социалистическую Республику, во главе которой стоят Всероссийский Съезд Совдепов, ВЦИК и их исполнительный орган, СНК. Подобная организация “мощной всероссийской политической власти” вполне соответствовала задачам формирующейся диктатуры и предполагала направленное конструирование переходного “аппарата власти” сверху вниз (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12).

Централистская модель построения политической системы была представлена в “Схеме Конституции”, разработанной Стекловым и положенной в основу работы Комиссии. Представленный им “План Советской Конституции” четко соответствовал концепции Коммуны как “Республики Советов” и подразумевал ее централистско-иерархическую интерпретацию. Вводная часть включала декларацию прав трудящихся – “социализм как цель; самостоятельность трудовых масс как средство; интернационализм; права и обязанности трудящихся перед социалистическим отечеством и перед Интернационалом”. Структурную основу Республики составляет принцип “федерации наций” и подразделение власти на федеративную и центральную. В рамках этой системы была выстроена иерархия Советов (волостные, городские, уездные, губернские, областные, федеративные), компетенции их органов во главе с Всероссийским Съездом Советов, ВЦИК и СНК, причем предполагалось конституционно разрешить вопросы соотношения федеративных и региональных советских структур, их формирования, бюджетного права и распределения ответственности (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 7об.; Д. 12. Л. 147).

Неопределенность конструкции федерализма выражалась в отсутствии единого названия будущего государства: оно определялось с позиций коммунистического конфедерализма как “Трудовая республика” и “Федеративная социалистическая республика”, с позиций классового унитаризма как “Российская социалистическая республика” или “Российская социалистическая советская республика”, или с позиций национально-территориального автономизма как “Российская социалистическая федеративная советская республика” и т.д. Это отражало нестабильность представлений о месте федеративного принципа в государственном устройстве создаваемой РСФСР.

Неразрешимая дилемма: конфликт коммунистического и национального принципов государственного устройства

В ходе дискуссии в Комиссии центральной темой оказался вопрос о соотношении базовых принципов федерализма, национализма и советизации. Основной докладчик по этой проблеме – Рейснер, имея в виду программный “идеал социализма” и ссылаясь на опыт Швейцарии, настаивал на отказе от традиционного национально-территориального принципа построения федерации, заявляя, что в основу следует положить коммунитарный принцип, создав федерацию коммун – “живых единиц” политической власти, способных через советские институты выразить различные (национальные, социальные и экономические) региональные интересы трудящихся масс. Подобная структура федерализма, по его мнению, позволяла совместить коммунизм и национализм: самоуправление наций не отменяется, а реформируется через Советы, построено на принципах не национального, но территориального представительства, что не мешает Советам отстаивать национальные интересы (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Лл. 14–17).

Этот тезис был поддержан левым коммунистом М. Покровским, заявившим, что положение о национальном принципе самоопределения “нужно совершенно оставить, мы строим свою федерацию отнюдь не на национальном принципе”, тем более что его могут использовать классовые враги, например немцы, поддерживая идею самоопределения Эстляндии и Лифляндии (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Лл. 5–6). “Если мы примем в основу проект т. Сталина, – говорил он, – то мы не уйдем от того хаотического положения, которое существует сейчас, потому что эта резолюция не отвечает ни на один вопрос” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 3). Были отвергнуты и формальные аргументы сторонников национального принципа: когда III Съезд принял декларацию о федерализме, разъяснял Стеклов, речь шла о Финляндии, Украине, Белоруссии. Раз их нет (после Брестского мира), то “никакой федеративной республики нет и это слово потеряло всякий смысл”.

Сталин в альтернативном содокладе, напротив, настаивал, что следует говорить о “Российской республике как о федерации советских республик народов России, причем подчеркивается как объективная единица область, отличающаяся особым духом, национальным составом населения, единым населением”. “План тов. Рейснера, – резюмировал Сталин, – я считаю неподходящим” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 6). Этот план не устраивал его анархической “вакханалией федерализма” – возможностью произвольной группировки территорий, в результате чего “возникнут у нас сотни единиц, отношения с которыми будет устроить крайне трудно”. Швейцарской модели федерализма была противопоставлена модель Американских Штатов, где, по мнению Сталина, существует “государство федеративное, но штаты передали 2/3 власти федеральному правительству”. “К этому типу федерализма мы идем”: “разница чисто классовая” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 3).

Трактовка федерализма на национально-территориальной основе вступала в очевидное противоречие с проектом Государства-Коммуны, что не замедлили подчеркнуть оппоненты большевиков – максималисты, левые эсеры и коммунисты. Первые (А. Бердников) вообще не видели смысла в федеративной структуре: “...от принципа федерации надо отказаться, все законные интересы можно удовлетворить понятием автономии”, вторые отрицали предложенную трактовку национального детерминированного федерализма. «Построение тов. Сталина – заявил Шрейдер, – это типичное империалистическое построение, типичный кулак, который к тому же, не стесняясь, заявляет, что он кулак. Тов. Сталин настолько привык к такому положению, что в совершенстве усвоил себе даже империалистический жаргон, – “От нас требуют – мы даем”». “Это все та же самая, совершенно непонятная для меня, психология, которая остается пережитком старого и от которой надо отказываться” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 22). Каким образом, спрашивал он, национальный принцип соотносится с классовым? “Будьте логичны, – говорил Шрейдер, – ведь в национальность входят все классы (голос: советская национальность). Что значит советская национальность? Советская национальность еще пока не существует (голос: советы – национальное учреждение). Советы не национальное учреждение, а учреждение классовое. Невозможно называть его национальным. Я не понимаю происходящего здесь смешения понятий” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 23).

Ключевым вопросом в этом споре стала концепция нации – понимать ли ее как неизбежную территориально-культурную идентичность (позиция Сталина) или, скорее, как классово-психологическую идентичность, основанную на индивидуальном выборе. Отрицая первый подход в качестве основы построения государства, Шрейдер считал, что “нация – это персональный союз, нельзя связывать его с каким-либо местом”. Национальный принцип построения государства поэтому неприемлем: “Это логически совершенная нелепость! (Сталин: почему?). Я вам приведу в пример такую нацию, как евреи (Сталин: евреи – не нация). Ну, конечно, это легко сказать! Но вы никогда не сможете доказать, что евреи не нация! (Сталин: спросите у Каутского). Я не знаю, спросить ли Каутского, но я смотрю своими глазами. Я вам скажу, что когда нация лишается территории, она не перестает быть нацией” (приводит в

пример Польшу) (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 23). В результате Шрейдер предлагал вернуться к традиционному административно-территориальному делению (на губернии и волости) как основе построения советских институтов. Позднее эти идеи получили развитие в его новом проекте, представлявшем альтернативу принятой советской конституции.

Апелляция к идеалу Коммуны в качестве новой государственной идентичности была отвергнута большевиками, а проект Рейснера определен как “совершенно непригодный” (коммуна – не есть представительство групп и интересов, но отдельных лиц). Вопреки логике “борьбы классов” национальный принцип построения федерации был принят за основу как тактическое решение. Как разъяснил Свердлов, при всей его спорности он должен быть сохранен для переходного периода: “...вырабатываемая нами конституция Советской республики – это есть конституция для переходного периода”, “мы своей конституцией преследуем не только теоретические цели, но и практические, в частности упрочение Советской республики, мы должны чрезвычайно опасаться ударять прямо в лицо несомненно существующим у нас национальным тенденциям”. По тем же причинам он поддержал сохранение положения о национальном самоопределении, которое в данный исторический момент является “боевым пунктом”: “...именно за боевизм мы сохранили этот пункт, именно потому, что этот пункт давал нам возможность разгромить всякое шовинистическое движение, именно потому этот пункт остается несомненным” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Лл. 8, 17–18).

Другие участники дискуссии (А. Смирнов) заявляли, что принятие коммунального подхода (в принципе приемлемого на будущее) в существующей ситуации приведет к “хаосу” – раздроблению ресурсов, конфликту между коммунами, сепаратизму, в результате которого “завтра же от советской республики останутся только рожки да ножки”. В текущей перспективе поэтому необходимо “определить задачи, функции, обязанности советских организаций, советской власти, начиная снизу до верху в смысле его федеративного устройства” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Лл. 13–14). “Каждый день, – заявлял М. Лацис, – нам приходится убеждаться в том, что нельзя федерацию понимать как федерацию отдельных коммун, а если можно говорить о федерации, то только о федерации областей”. Решающим аргументом в споре стала позиция Ленина о проекте Рейснера, объявленная Сталиным: “Тут ссылаются на т. Ленина. Я позволил себе заметить, что Ленин, насколько мне известно, а мне известно хорошо, сказал, что этот проект ни к чему”. В результате при голосовании в Комиссии с небольшим перевесом (пять к трем) возобладали позиция Сталина, а его тезисы “Общие положения Конституции Российской Советской Федеративной республики” были положены в основу решения вопроса. В документах Комиссии отмечено – “Принято на заседании 19.04.18 г.”. Заключительный протест Покровского о том, что “эта федерация приведет к увековечению национализма” и его предложение «вынести из названия страны слово “федеративная”» – были отвергнуты. “Федерация остается”, – резюмировал Свердлов (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Лл. 10, 28). Так был решен фундаментальный вопрос о структуре будущего государства, спровоцировавший грядущие противоречия, а в конечном счете – его распад в 1991 г.

Советский принцип как попытка разрешения противоречия

Третьим принципом конституционного конструирования (наряду с коммунитарным и национальным) следует признать советский. Он получил в Комиссии три различных схематических трактовки административного устройства: 1) Советы как выражение структуры и взаимодействия общественно-профессиональных организаций и политических партий или профсоюзов (в “Статьях проекта Конституции” Ренгартена) (Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Лл. 2–9, 10–16); 2) система государственных институтов представительной демократии трудящихся, имеющая определенное сходство с дореволюционными земскими учреждениями (проект члена коллегии Наркомюста Шрей-

дера и его подкомиссии – “Учреждении Советов”) (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 3. Лл. 37–43); 3) предельно иерархизированная пирамида органов, делегирующих свои полномочия снизу вверх, главной функцией которых становится проведение решений центральных политических институтов власти на местах – “Схема Конституции” Щепанского (Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Лл. 5–17) и проект Лациса–Бердникова “О российских советах” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 10. Лл. 1–13). Компромиссная позиция отражена в альтернативном проекте Конституции РСФСР, разработанном в коллегии Наркомюста под редакцией М. Рейснера и А. Гойхбарга, авторы которого стремились совместить единую централизованную систему советских институтов с установлением жестких конституционных рамок их деятельности и расширением прерогатив местных советов [Гурвич, 1923, с. 200–216].

Отказ Комиссии от коммунитарного принципа построения Советов не привел к принятию их трактовки как представительных учреждений (отвергнутой как “мелкобуржуазная”) и фактически означал установку на выстраивание советской власти, облегчающей манипулирование ею из Центра. Федеративный компонент системы, при его формальном признании, оказался последовательно элиминирован в структурной или финансовой автономии Советов. В направленном Ленину проекте формирования общегосударственного бюджета – “росписи государственных доходов и расходов” и структуре налогообложения о федерализме не сказано ни слова, а решение соответствующих вопросов отнесено всецело к компетенции Всероссийского съезда совдепов и ЦИК (Ф. 130. Оп. 2. Д. 30. Л. 28).

Советы – спонтанно возникшие революционные институты, выражавшие традиционалистские (восходящие к родовому быту), аграрно-коллективистские и уравнительно-распределительные представления крестьянства, не были полноценными органами власти (и не рассматривались в качестве таковых большинством партий), что не помешало большевикам эффективно использовать их в целях массовой мобилизации и захвата власти. Декларативно провозгласив их органами власти (в качестве антитезы Учредительному собранию) и закрепив этот постулат в решениях II и III Съездов Советов, большевики в ходе разработки Конституции столкнулись с трудностью их юридического оформления. Неопределенность советского принципа констатировал Стеклов: “...каковы в деталях взаимные отношения этих органов и организаций друг к другу, каковы, в частности, отношения местных властей к центральным, как должно понимать практическое осуществление федеративного устройства республики и какой принцип надлежит класть в его основание, как должна или не должна проводиться группировка отдельных советов в более широкие единицы (например, в области) и т.д., и т.п. – все эти вопросы до сих пор разрешались в отдельных местах по отдельным поводам в зависимости от условий времени и места, причем зачастую решение их не определялось ясно сознанными или планомерно проводимыми принципами”. Выяснилось, что советский строй “представляет настолько оригинальное явление во всемирной истории”, что “подходить к нему с определенными мерками, заимствованными из теории и практики традиционного государственного права, совершенно не приходится”. Предоставив осмысление этой “творческой работы” теории государственного права будущего, разработчики Конституции согласились, что “она будет принята во внимание комиссией при выработке ее проекта, преследующего главным образом непосредственно практические цели”, писал Стеклов в “Известиях” 4 апреля 1918 г.

Неэффективность Республики Советов как самостоятельной формы правления была очевидна уже в момент публикации Комиссией ее первого документа – “Проекта положения о Российских Совдепах”, изданного 17 мая 1918 г. Кадетская печать показала полную противоположность данного проекта демократическим принципам. «Проект конституции, той русской конституции, о которой год тому назад нам трудно было думать без ликующего восторга, – писал А. Винавер, – оказался полной противоположностью этим чаяниям. Он представляет собой “создание, лишенное крови, плоти и жизни”, отменяет принцип равенства и прямого голосования, вводит мно-

гоступенчатую (двух, трех и в некоторых случаях даже четырехступенную) систему выборов в верховный представительный орган страны – “в всероссийский совдеп”, подменяет представительство народа представительством разнообразного рода “совдепов” – больших, среднего размера, малого калибра и совсем маленьких». Такова “реальная действительность весны 1918 года” (“Раннее утро”, 19 мая 1918 г.).

Критики показали, что “русские Сийесы” во главе с Рейснером не предложили никакой убедительной новой структуры власти – “не пытаются заново перестроить органы власти”, но стремятся “зафиксировать в правовых формах ныне действующие учреждения, внести единообразие в их организацию и деятельность”. Проект “самой свободной в мире республики” на деле оказался “квинтэссенцией реакционных помыслов”. В нем “есть все кроме конституционных гарантий разумного правопорядка: и лишение значительной части граждан политических прав, и курьезная система в худшем из возможных ее видов, и простор для произвола исполнительной власти в пользовании конституционным законом в политических целях. Советская конституция поистине достойно венчает здание” (“Советская Россия”, 17 (4) мая 1918 г.).

Официальная реакция на эту критику исключала содержательную дискуссию, объявляя все аргументы оппонентов коммунистической конституции тенденцией “всероссийской буржуазной реставрации” (“Правда”, 19 мая 1918 г.). В конституционных проектах Белого движения 1918–1919 гг. находим гораздо более реалистическую трактовку переходного периода: здесь присутствует, правда, широкий разброс мнений о перспективной модели политического устройства – от Конституанты и Директории до единоличной военной диктатуры. Однако подобная диктатура рассматривалась не как постоянная, но чрезвычайная форма правления, необходимая для объединения страны (с сохранением областной автономии и земских учреждений) с целью восстановления правовой преемственности, утраченной с большевистским переворотом [Всероссийский... 2001; Кудинов 2006].

На несоответствие советской модели образцу Коммуны указывали и левые критики. Во-первых, отмечал А. Богданов, в отличие от Парижской Коммуны, она опирается не на всеобщие выборы, но на курьезную и многоступенчатую их систему, отсекающую целые слои населения; во-вторых, “как постоянный государственный порядок эта система, очевидно, гораздо менее совершенна, чем парламентская демократическая республика, и, в сущности, прямо непригодна”; в третьих, «какое же это “государственное устройство”, при котором решающее голосование по самой конституции проводится с оружием в руках?». В ленинской модели Государства-Коммуны и ее конституционном воплощении он усматривал проявление “донаучного ребяческого коммунизма” и “господство голой демагогии”. При реализации этого плана, полагал Богданов, “судьба русской коммуны оказалась бы такая же, как и Парижской” [Богданов 1990, с. 405]. Рейснер вынужден был признать, что никакой коммунистической “науки государства Советов” нет, их создание идет в режиме импровизации, а оценки Советов варьируются от признания их средневековым институтом до выражения анархического хаоса, предполагающего возврат к традиционным конституционно-правовым институтам [Рейснер 1923].

В целом, конфликт трех конституирующих принципов не получил содержательного правового разрешения. Логика работы Комиссии определялась когнитивным редукционизмом, выразившемся в: последовательном переходе, во-первых, от идеи коммунистической федерации к национально/детерминированной (с сохранением конфедеративного принципа сессии); во-вторых, от декларируемого федеративного принципа к автономизации; в-третьих, сведении последней к ограниченному классовому представительству, олицетворением которого становилась иерархизированная вертикаль советских институтов. При очевидном противоречии коммунистического принципа национальному (допущенному исключительно из тактических соображений) советский принцип (особенно при очевидной неопределенности его трактовки) оказывался наиболее приемлемым институциональным решением для формирующейся однопартийной диктатуры.

Конституционная комиссия как инструмент социального конструирования: структура, приоритеты, порядок деятельности

Радикальная трансформация коммунистического мифа в ходе его юридической имплементации связана с составом и механизмами деятельности Конституционной комиссии. Она была создана 1 апреля 1918 г. решением ВЦИК и стала единственным в советской истории экспериментом разработки Конституции на многопартийной основе. Состав этой Комиссии, подобранный большевиками, был утвержден Пленумом ВЦИК 4-го созыва в заседании 8 апреля 1918 г. В окончательном официально опубликованном 16 апреля 1918 г. списке членов комиссии представлены: председатель Комиссии – Я. Свердлов, заместитель председателя – М. Покровский, секретарь – В. Аванесов, члены: А. Бердников (от максималистов), Д. Боголепов, Н. Бухарин, Г. Гурвич, М. Лацис, Д. Магеровский (от фракции левых эсеров), М. Рейснер, Э. Склянский, А. Смирнов, И. Сталин, Ю. Стеклов, А. Шрейдер (от левых эсеров). Документы отражают постепенный (и компромиссный) характер комплектования Комиссии, что отражено в различных списках ее состава. В составе Комиссии первоначально не было юристов. Они были приглашены в нее в качестве “сведущих лиц” лишь после того, как выяснилась практическая их необходимость. Так, кандидатура Рейснера (с совещательным голосом) была включена по предложению Гурвича и с санкции Свердлова на первом заседании комиссии 5 апреля 1918 г., после чего он получил формальное приглашение от коллегии Наркомата юстиции, а соответствующее предложение было направлено в Президиум ЦИК в тот же день.

Принцип формирования комиссии был смешанным, включая представительство от учреждений и партий. В нее входили формально пять членов от ЦИК, по одному представителю от наркоматов – внутренних дел, финансов и ВСНХ, четыре члена – от фракции большевиков, два – от левых эсеров и один – от максималистов. Основные оппозиционеры – эсеры – оказались в меньшинстве и были расколоты. В то же время ограниченный партийный плюрализм допускал идеологические коалиции (между максималистами и левыми коммунистами против ленинско-сталинской линии) и предполагал дискуссию с оппонентами, получившую отражение в стенограмме.

Причинами разногласий стали различия оценок социального переворота и тенденций развития, представлений об общих принципах и приоритетах Конституции (нашедшие отражение в различных представленных ее “схемах”); расхождения в представлениях о структуре институтов и порядке ее разработки. Деятельность комиссии, однако, всецело определялась ее большевистским ядром. Председателем стал председатель ВЦИК Свердлов, а в состав вошли видные большевистские эмиссары – Сталин (как представитель Совнаркома и специалист по национальному вопросу), партийные идеологи – Бухарин и Покровский, примкнувший к большевикам после революции редактор “Известий” Стеклов, а также представители высших административных учреждений – наркоматов внутренних дел, юстиции, национальностей, по военным и морским делам, а также ВСНХ, что в сущности означало их принадлежность к большевистской элите.

В работе комиссии четко прослеживается ряд подходов к содержанию и задачам конституционного конструирования: создание принципиально новых правовых рамок коммунистического государства; фиксация стихийно сложившейся социальной реальности (сведение коммунистического идеала к Республике Советов); обобщение опыта местных советов и перенесение его на всю систему; целенаправленное выстраивание советской вертикали (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 3. Лл. 2–15).

Первая позиция, продвигавшаяся эсерами-максималистами (Бердников), исходила из того, что в условиях анархии необходимо разработать “коренные нормы” Конституции, начав с декларации прав, и в частности гражданских прав. Данное предложение получило поддержку левых эсеров (Шрейдер), подчеркивавших значение избирательной системы в Советы, определения круга тех, кто имеют право избирать, структуры Советов (Стеклов). Предлагалось поэтому “начать с декларативной части и центральных учреждений, а затем идти вниз” (Рейснер).

Вторая позиция, представленная Свердловым, требовала разрешения прежде всего вопроса об “уничтожении парламентаризма” и предлагала “составить Конституцию таким образом, чтобы такие ведомства были ликвидированы”. Приоритетной задачей тут выступает конструирование органов центральной власти и выяснение ее соотношения с местной властью, поскольку “большая часть комиссариатов существует только на бумаге”, а “работники не знают, что делать”. Эта позиция получила поддержку в свете решения финансовых вопросов (Боголепов). Предлагалось сначала определить “суверена”, а затем решать вопросы избирательных прав (Лацис).

Третья позиция, представленная левыми коммунистами (Покровский), отдавала приоритет местным учреждениям перед центральными. Центральные советы, по его мнению, “не имеют самодовлеющего значения”, в то время как местные уже “прекрасно осознали свою власть (и уже могут всё, только не превратить мужчину в женщину)”, а потому “нужно выяснить, что такие первичные советы могут сделать и что они не могут делать”. Этот тезис получил поддержку левых эсеров (Магеровский): поскольку “полная неразграниченность между советами создает неразбериху на местах”, и “первым вопросом следует поставить какие области являются федеративными”, что “будет краеугольным камнем, из которого создастся отдел федеральной республики. Все органы, которые стоят ниже, не будут обладать законодательной властью, будут являться исполнительными органами”.

Четвертая позиция заключалась в отрицании всех предложенных стратегий написания Конституции с чистого листа и реформ сверху или снизу. В основу конституционного регулирования, по мнению Сталина, следует положить имеющиеся документы – декларацию III Съезда Советов о диктатуре и федеративной республике, а прочие вопросы (права граждан, компетенции субъектов федерации и конструкции центральной власти) сосредоточить в комиссиях.

Полное отсутствие единства в вопросе о приоритетах разработки Конституции побудило Свердлова принять чисто административное решение – передать разработку вопросов в соответствующие комиссии, поручив подготовку материалов их инициаторам (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 3. Л. 14). Таким образом, когнитивный диссонанс не был преодолен.

Причины отказа от коммунистического мифа в процессе разработки и принятия Конституции

Процесс разработки и принятия Конституции четко раскрывает отступление от первоначального идеала Государства-Коммуны и эволюцию режима в направлении однопартийной диктатуры и последовательное устранение из политического спектра главных оппонентов большевиков – эсеров. Когда основные принципы будущей Конституции были провозглашены III Всероссийским Съездом Советов после роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г., правительство представляло собой коалицию большевиков и левых эсеров. Когда Комиссия по составлению Конституции собралась в апреле, левые эсеры, хотя и вышли из правительства, оставались еще в Советах и входили в Комиссию. Когда же V Всероссийский Съезд Советов окончательно утвердил Конституцию в июле 1918 г., левые эсеры были изгнаны и объявлены вне закона, и уже началась гражданская война. Восстание эсеров 6 июля 1918 г. может интерпретироваться как принципиальный фактор, ускоривший принятие Конституции с целью легитимировать качественно новое явление – неограниченное однопартийное господство.

Новый Основной закон, следовательно, не стал результатом достижения консенсуса ни в общественном мнении, ни в самой Комиссии. Окончательный проект был разработан в течение трех месяцев и опубликован 3 июля 1918 г. Характерно, что он был в тот же день (до обсуждения V Всероссийским Съездом Советов) направлен на утверждение ЦК партии. Основной проект Конституции, представленный Съезду Комиссией ВЦИК, претерпел редакционные изменения сразу после 6 июля (см. “Извес-

тия” от 5 и 10 июля 1918 г.) и был дополнен на самом Съезде (“Известия”, 11 июля 1918 г.).

Таким образом, разработка, обсуждение и утверждение проекта происходили в авторитарном стиле, без соблюдения элементарных юридических формальностей, от начала до конца регулировались партией большевиков. “Опасность зайти в тупик, которую, казалось, вызывали сами формулировки Конституции, – резюмировал Э. Карп, – устранялась тем, что за Конституцией стояла единая власть – власть правящей партии” [Карп 1990, с. 133]. Только это обстоятельство позволило осуществить молниеносное принятие столь несовершенного Основного закона.

Конституция, по мысли разработчиков (следовавших в этом отношении за якобинцами и коммунарами), должна была выполнять не столько юридические, сколько политические и демонстрационно-мобилизационные функции. Принятая Съездом 10 июля 1918 г. Конституция советской республики (вместе с утвержденной III Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 г. “Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа”) определялась как “единый основной закон РСФСР”, который вступал в действие немедленно после его публикации в “Известиях ЦИК”. В то же время, согласно резолюции Съезда, Основной закон “должен быть распубликован всеми местными органами Сов. власти и выставлен во всех Советских учреждениях на видном месте”, его изучение вменялось в обязанность ввести “во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской республики” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 14. Л. 28).

Методом пропаганды Конституции становилась рассылка ее текстов из канцелярии ВЦИК по уездным и волостным Советам, которые ритуально “приносят ВЦИК глубокую благодарность” (Ф. 6980. Оп. 1. Д. 18). Символическое значение Конституции подчеркивалось параллельной деятельностью по разработке “социалистических” атрибутов новой государственности – герба и печати РСФСР. В то же время разработка и принятие Конституции практически никак не соотносились с расширением осуществляемого ВЧК террора, направленного как против оппонентов режима, так и их родственников, практически лишенных всех гражданских прав (расстрелы, конфискация собственности, отказ в приеме на службу) (Ф. 130. Оп. 2. Д. 30. Л. 6).

По мере ослабления социального контроля над большевиками в период Гражданской войны и массового террора положения Конституции становились все более неопределенными, а необходимость их правового обоснования все менее значимой. Главное противоречие всего советского конституционализма, проявившееся уже в первой Конституции 1918 г., – стремление в правовых терминах обосновать вполне антиправовой феномен – “диктатуру пролетариата”.

* * *

Таким образом, идея Коммуны как прообраза государственности будущего стала теоретической основой и лейтмотивом конституционного проектирования после большевистского переворота, определив масштаб, общие рамки и терминологию проектов Основного закона 1918 г. Миф Государства-Коммуны 1871 г. позволял заполнить идеологический вакуум, возникший в результате спонтанного крушения государственности и неожиданного прихода большевиков к власти. Данный миф оказался важен для новых властителей в трех отношениях. Он позволял, во-первых, легитимировать государственный переворот как переход власти от “буржуазного” Временного правительства и Учредительного собрания к непосредственной “рабочей демократии” (которая рассматривалась как выражение принципов Коммуны); во-вторых, обосновать мессианские претензии большевизма на господство в рамках мировой революции, целью которой выступало создание всемирной коммунистической федерации; в-третьих, представить традиционалистские квазигосударственные институты социальной организации (Советы) как прототип политических форм будущего коммунистического строя.

Став отправной точкой в ходе разработки первой советской Конституции РСФСР 1918 г., данный миф быстро обнаружил свою полную неадекватность социальной ре-

альности “военного коммунизма”: завышенные ожидания, связанные с верой разработчиков в мировую социальную революцию и создание мировой пролетарской республики должны были корректироваться, исходя из практики внешнеполитической изоляции, экономической анархии и устанавливающейся однопартийной диктатуры. Когнитивный диссонанс разработчиков Конституции проявился в доктринальных, политических и институциональных противоречиях, нашедших выражение в альтернативных моделях политического устройства.

Конституция РСФСР 1918 г. – идеологический гибрид принципов трех идеологий: коммунистического анархизма, корпоративизма и государственного централизма с окончательным преобладанием последнего. Данный гибрид возник в результате сочетания процессов ретрадиционализации и модернизации – стихийных импульсов к самоорганизации традиционного аграрного общества (Советы) и мобилизационной модели социально-политического регулирования (партийная диктатура). Оригинальность советской версии номинального конституционализма определялась уникальным сочетанием декларативных принципов и подлинных социальных функций данной модели политико-правового регулирования, а ее выражением стал механизм подмены правовых норм изменяющимися идеологическими конструкциями их смысла.

Выход из содержательного противоречия был найден разработчиками в таких когнитивно-психологических решениях, которые могут быть определены как редукционизм, смещение и подмена смысла понятий. Когнитивный редукционизм означал сведение общих идеологических принципов к институциональным решениям: концепция Государства-Коммуны была сведена к постулату “диктатуры пролетариата”; коммунистическая конфедерация – к федерации национальных автономий; непосредственная рабочая демократия к “Республике Советов”. Когнитивное смещение выражалось в трансформации понятия суверенитета, который первоначально охватывал всех “трудящихся”, затем только избранную их часть (пролетариат и беднейшее крестьянство), наконец, их цензово-ограниченное представительство в Советах, а сами эти учреждения оказались инкорпорированы в партийно-бюрократическую машину. Подмена понятий выражается в ограничении их универсального смысла постулатом “переходного периода”, позволявшим интерпретировать советскую систему как диктатуру, а “непосредственную демократию” как иерархию институтов – чрезвычайных органов власти и партийных ячеек. В работе Комиссии представлены три этапа, выражающих эту логику когнитивного смещения – от коммунизма к “Республике Советов” и от нее – к не декларированной, но реальной партийной монополии.

Эта логика создания советской системы номинального конституционализма в 1918 г. хорошо объясняет параметры ее крушения в период перестройки, когда происходит последовательная актуализация всех когнитивных компонентов системы, только в обратном порядке. Начавшись с осторожной критики подмены понятий – бюрократических “извращений” социализма (“гласность”), процесс распада поставил под вопрос эффективность Советов как институтов власти при однопартийной диктатуре, перешел затем в область федеративных отношений (“парад суверенитетов”) и завершился отказом от идеологически редуцированного коммунизма как общей легитимирующей основы режима. Крушение системы наступило, следовательно, именно тогда, когда коммунистический ингредиент советской диктатуры вступил в радикальное противоречие со стремлением обосновать ее в правовых понятиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анархизм в истории России от истоков к современности. Библиографический словарь-справочник (2007). СПб.: Соларт.

Анархисты (1999) Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН.

Бакунин М.А. (1892) Парижская Коммуна и понятие о государственности. Женева: Новая русская типография.

- Бабель А. (1963) Из моей жизни. М.: Иностранная литература.
- Богданов А.А. (1990) Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат.
- Бунд. Документы и материалы. 1894–1921 (2010). М.: РОССПЭН.
- Всероссийский национальный центр (2001). М.: РОССПЭН.
- Гурвич Г.С. (1923) История советской конституции. М.: Издательство ЦИК СССР.
- Дыбенко П.Е. (1958) Из недр царского флота к Великому Октябрю. М.: Воениздат.
- Итенберг Б.С. (1971) Россия и Парижская коммуна. М.: Наука.
- Кареев Н.И. (1917) Чем была Парижская Коммуна 1871 г.? Пг.: Издание Партии народной свободы.
- Карелин А.А. (1919) Уроки Парижской Коммуны. М.: Светлая звезда.
- Карр Э. (1990) История Советской России. Кн.1. Большевицкая революция 1917–1923. М.: Прогресс.
- Кропоткин П.А. (1907) Парижская Коммуна. Лондон: Листки Хлеба и Воли.
- Кудинов О.А. (2006) Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918–1940-е гг.). М.: Ось.
- Лавров П.Л. (1919) Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Пг.: Колос.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч.. В 50 т. Т. 33, 36, 41. М.: Политиздат.
- Леон П. (1922) Проблема правового государства в освещении анархизма Михаила Бакунина // Труды русских ученых за границей: сборник академической группы в Берлине. Т. 1. Берлин: Слово.
- Лукин Н. (Н. Антонов). (1924) Парижская коммуна 1871 г. М.: Издательство Комкадемии.
- Меньшевики в 1918 г. (1999). М.: РОССПЭН.
- Меньшевики в большевистской России. 1917–1924 гг. Т. 1–5 (1997–2004). М.: РОССПЭН.
- Молок А.И. (1925) Парижская коммуна 1871 г. в документах и материалах. Л.–М.: Госиздат.
- Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы 1905–1925 гг. Т. 3. Ч. 1. (2000) М.: РОССПЭН.
- Правые партии. Документы и материалы. Т. 2 (1911–1917 гг.). (1998). М.: РОССПЭН.
- Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии 1905–середина 1930-х гг. Т. 4. (1999). М.: РОССПЭН.
- Рассел Б. (1991) Практика и теория большевизма. М.: Наука.
- Рейснер М.А. (1923) Советская конституция: обзор литературы // Печать и революция. Кн. 3.
- Союз Эсеров-максималистов. Документы, публицистика 1906–1924 гг. (2002). М.: РОССПЭН.
- Сталин И.В. (1949) Анархизм или социализм? М.: Госполитиздат.
- Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3 (2000). М.: РОССПЭН.
- Тимашев Н.С. (1931) Политическое и административное устройство СССР. Париж: “Издание офицерской школы усовершенствования военных знаний при 1 Отделе Общевойсковой Союза в Париже.
- Nettlau M. (1971) Histoire de l’Anarchie. Paris: Cercle.

The myth of Paris Commune and the creation of Soviet state

(Toward the rethinking of RSFSR Constitution of 1918)

*A. MEDUSHEVSKY**

* **Medushevsky Andrey N.** – doctor of philosophy, professor at the Faculty of Applied Political Sciences of the National Research University – Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya. st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: amedushevsky@mail.ru.

Abstract

On the basis of Constitutional Commission's archival documents the article reconstructs the principle role of the Paris Commune myth in the process of elaboration of the first Soviet Constitution 1918. This myth provoked the hybrid character of Constitution as the synthesis of three main ideologies – anarchical communism, corporatism and centralism and determined the original final interpretation of doctrinal grounds, institutional structure and political implementation of constitutional norms. This analysis is informative for the reconstruction of origins and place of the Soviet nominal constitutionalism as historical prerequisite of the modern Russian legal order.

Keywords: Cognitive jurisprudence; Paris Commune of 1871; Soviet Constitution 1918; Communism, Corporatism, Centralism, Federalism, Political Parties, Nominal Constitutionalism, Soviet Political Regime.

REFERENCES

- Anarhizm v istorii Rossii ot istokov k sovremennosti. Bibliograficheskiy slovar-spravochnik (2007) [Anarchism in Russia's history from the beginnings to the present. Bibliographic Reference Dictionary] St. Petersburg: Solart.
- Anarhisti (1999) Dokumenty i materialy. V. 2 t. T. 2 [Anarchists. Documents and materials. In 2 volumes. Vol. 2] Moscow: ROSSPEN.
- Bakunin M.A. (1892) *Parizhskaya Kommuna i ponyatie o gosudarstvennosti* [The Paris Commune and the concept of statehood]. Geneva: Novaya russkaya tipografiya.
- Bebel A. (1963) *Iz moyey zhizni* [From my life] Moscow: Inostrannaya literatura.
- Bogdanov A.A. (1990) *Voprosi socializma. Raboti raznih let* [Questions of socialism. Work over the years] Moscow: Politizdat.
- Bund. Dokumenty i materialy. 1894–1921 (2010) [Bund. Documents and materials. 1894–1921]. Moscow: ROSSPEN.
- Dibenko P.E. (1958) *Iz nedr tsarskogo flota k Velikomu Oktyabryu* [From the depths of the king's fleet to the Great October Revolution] Moscow: Voenizdat.
- Gurvich G.S. (1923) *Istoriya sovetской konstitucii* [The history of the Soviet Constitution]. Moscow: Izdatel'stvo CIK SSSR.
- Itenberg B.S. (1971) *Rossiya i Parizhskaya kommuna* [Russia and the Paris Commune]. Moscow: Nauka.
- Kareev N.I. (1917) *Chem bila Parizhskaya Kommuna 1871 g.?* [What was the Paris Commune of 1871?]. Petrograd: Izdanie Partii narodnoy svobody.
- Karelin A.A. (1919) *Uroki Parizhskoy Kommuni* [The lessons of the Paris Commune]. Moscow: Svetlaya zvezda.
- Karr E. (1990) *Istoriya Sovetskoy Rossii. Kn.1. Bolshevistskaya revolyuciya 1917–1923* [History of Soviet Russia. Book 1. The Bolshevik Revolution of 1917–1923]. Moscow: Progress.
- Kropotkin P.A. (1907) *Parizhskaya Kommuna* [The Paris Commune]. London: Listki Hleba i Voli.
- Kudinov O.A. (2006) *Konstitucionnye proekti belogo dvizheniya i konstitucionno-pravovie teorii rossiyskoy beloemigratsii (1918–1940-e gg.)*. [The constitutional draft of the White movement and the constitutional and legal theory of the Russian beloemigratsii (1918–1940-ies.)]. Moscow: Os'.
- Lavrov P.L. (1919) *Parizhskaya Kommuna 18 marta 1871 g.* [The Paris Commune of March 18, 1871]. Petrograd: Kolos.
- Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* v. 50 Vol. T. 33, 36, 41. Moscow: Politizdat.
- Leon P. (1922) Problema pravovogo gosudarstva v osveschenii anarhizma Mihaila Bakunina [The problem of the rule of law in the light of anarchism Mikhail Bakunin] // *Trudi russkikh uchenih zagranicey: sbornik akademicheskoy gruppi v Berline. T. 1* [Proceedings of Russian scientists abroad: a collection of academic groups in Berlin. Vol. 1]. Berlin: Slovo.
- Lukin N. (N. Antonov). (1924) *Parizhskaya kommuna 1871 g.* [The Paris Commune of 1871]. Moscow: Izdatel'stvo Komakademii.
- Mensheviks v 1918 g. (1999) [The Mensheviks in 1918]. Moscow: ROSSPEN.
- Mensheviks v bolshevistskoy Rossii. 1917–1924 gg. T. 1–5 (1997–2004) [The Mensheviks in Bolshevik Russia. 1917–1924. Vol. 1–5]. Moscow: ROSSPEN.
- Molok A.I. (1925) *Parizhskaya kommuna 1871 g. v dokumentah i materialah* [The Paris Commune of 1871 in the documents and materials]. Leningrad–Moscow: Gosizdat.

Nettlau M. (1971) *Histoire de l'Anarchie*. Paris: Cercle.

Partiya socialistov-revolucionerov. Dokumenty i materialy 1905–1925 gg. T. 3. Ch. 1 (2000) [Socialist-Revolutionary Party. Documents and Materials 1905–1925 ann. Vol. 3. P. 1]. Moscow: ROSSPEN.

Pravie partii. Dokumenty i materialy. T. 2 (1911–1917 gg.) (1998) [Right-wing parties. Documents and materials. Vol. 2 (1911–1917 ann.)]. Moscow: ROSSPEN.

Protokoli Centralnogo komiteta i zagranichnih grupp Konstitucionno-demokraticheskoy partii 1905–seredina 1930-h gg. T. 4. (1999) [The Protocols of the Central Committee and groups abroad Constitutional Democratic Party 1905–mid 1930. Vol. 4]. Moscow: ROSSPEN.

Rassel B. (1991) *Praktika i teoriya bolshevizma* [Practice and Theory of Bolshevism]. Moscow: Nauka.

Reysner M.A. (1923) *Sovetskaya konstituciya: obzor literaturi* [The Soviet Constitution: a literature review]. *Pechat i revolyuciya. Kn. 3*.

S'ezdi i konferencii Konstitucionno-demokraticheskoy partii. T. 3 (2000) [Congresses and conferences of the Constitutional Democratic Party. Vol. 3]. Moscow: ROSSPEN.

Soyuz Eserov-maksimalistov. Dokumenty, publicistika 1906–1924 gg. (2002) [Union SRs maximalists. Documents journalism 1906–1924 ann.] Moscow: ROSSPEN.

Stalin I.V. (1949) *Anarhizm ili socializm?* [Anarchism or Socialism?]. Moscow: Gospolitizdat.

Timashev N.S. (1931) *Politicheskoe i administrativnoe ustroystvo SSSR* [Political and administrative system of the USSR]. Paris: Izdanie oficerskoy shkoly usovershenstvovaniya voennih znaniy pri 1 Otdel Obshevoyskovogo Soyuza v Parizhe.

Vserossiyskiy nacionalniy centr (2001) [All-Russian National Centre]. Moscow: ROSSPEN.

© А. Медушевский, 2015